

Коммуникативные потенции слова (слово – предложение – текст)

Барabanщикова О.Ю.

Киевский национальный лингвистический университет

Последовательное рассмотрение лексико-семантических единиц (вокабул) и соответствующих им семантических определений (дефиниций) как необходимых составных элементов лексикографических статей, соотносимых по основным своим параметрам с металингвистическими конструкциями, предполагает суммарный анализ метеструктур в качестве компонента некоего синтаксического целого.

Послідовний розгляд лексико-семантичних одиниць (вокабул) і відповідних їм визначень (дефініцій) як необхідних складових елементів лексикографічних статей, що співвідносяться за основними своїми параметрами з металінгвістичними конструкціями, передбачає сумарний аналіз метаструктур як компонента якогось синтаксичного цілого.

Признание вслед за теоретиками коммуникативной лингвистики ущербности исследований слова в качестве полноценной семантической единицы явилось бы препятствием на пути развития лингвистики текста. Оставляя слову статус лишь “меток вещей” и осуждая традиционную семантику за ее ограниченность лексикологией, за внимание к самостоятельным единицам в их изолированном состоянии (семантика отдельных слов, отдельных форм, отдельных видов предложений), “текстологи” (условное обозначение приверженцев теории текста, ставящих под сомнение необходимость “изолированных” лексикологических исследований в качестве основы коммуникативной лингвистики), однако, постоянно используют сложившуюся в ходе “изолированных” исследований терминологию, и результаты анализа лексико-семантических единиц с главным упором на смысловую сторону слова (лексикография), категориальные описания смысла выражений и предложений.

В отличие от аналитических языков (английского, французского), где главенствующая роль “выпадает предложению, слово же представляет меньший интерес”, в синтетических языках, в том числе русском, “слово есть один из

мельчайших вполне самостоятельных кусочков изолированного “смысла”, к которому сводится предложение” [1, Сепир с. 75].

“Текстологи”, не отрицающие участия слова в процессе общения “на самом низком” уровне в качестве компонента предложения как “максимальной номинативной единицы и одновременно минимального структурного элемента коммуникации”, для иллюстрации приводят аналогию, согласно которой слова – это груда кирпичей, а текст (через его “блоки” - предложения-высказывания) – дом” [2, Колшанский с. 67] . Более вероятно эта параллель выглядит так: для конструирования блоков (предложений-высказываний) берут не первые попавшиеся “кирпичи” , а маркированные (согласно лексико-семантической и стилистической дифференциации слов “плиты” разной величины, окраски, конфигурации, располагая их в определенном порядке. Лишь в таком случае “здание” (текст) может соответствовать критериям функциональной целесообразности (*свинарник или дворец?*), практической самоценности, эстетическому вкусу и т.д. Что касается предложения как промежуточного звена между словом и текстом, то и в этом случае те же “текстологи” подсказывают пути сближения данных понятий. Рассмотрим отрывок, состоящий из односложных предложений:

Очнулась. Взглянула. Обомлела – проспала! Вскочила, стала будить. Буркнул, отвернулся. Растолкала, подняла. Кинулась разогреть, накрывать, накручиваться. Позвала. Молчит. Рявкнула. Замычал, поднялся, поплелся. Опоздаю! Выскочила, помчалась. (ЛГ, 1980, 15 апреля)

Несмотря на шутовскую тональность, отвечающую, как видно, интенциям автора текста, есть возможность использовать его для вполне серьезных выводов о коммуникативной полноценности однословных предложений. Если значение глаголов понятно читателю, он может не только превратить их, как минимум, в двусоставные предложения (Я очнулась. Он буркнул.), но и, принимая сказуемые в качестве пунктов простого плана возможного сочинения (творческой работы), развить отдельные высказывания в развернутый текст, утрачивающий, правда, при этом свой динамизм.

Итогом становится моделирование ситуации, в которой компоненты слово – предложение – текст совмещаются в одном объекте. Предпосылкой такого моделирования может служить семантическая интерпретация газетных заголовков. Выделяются три вида соотношения заголовков с содержанием статей: 1) заголовок выступает в роли своего рода резюме статьи, сам по себе информирует, дает концентрированное сообщение; 2) только намекает на содержание статьи; 3) из-за своей непрозрачности полностью понятен только читателю хорошо информированному. Если рассмотреть такую дифференциацию заголовков (в частности, однословных) сквозь призму действия металингвистической функции, становится очевидным, что наибольшее внимание должен привлекать третий случай, который интригует “неинформированного читателя”. Естественно, для читателя информированного этот случай механически превращается в первый, поскольку понятное и правильно понятое слово уже включает информацию о содержании статьи. Вынесение в газетный заголовок слова, непонятного, по мнению автора, большинству читателей, представляет собой своеобразный стратегический прием, не только обязательный для всех случаев “обыгрывание” (мотивировку) заголовка в тексте, но, прежде всего, его толкование. Оно нередко осуществляется в предваряющем текст “фонарике”, своеобразном эпитафье, как например в пространной статье “Вы ощущаете себя жителем страны-дауншифтера?” именно в “фонарике” дан и перевод и определение слову: *“На днях глава государственного банка Герман Греф сказал о России: мы оказались «в стане стран, которые проигрывают, стран-дауншифтеров». В переводе с английского этот термин означает, в частности, переход вниз в социальном смысле. Греф пояснил свою мысль так: «Страны и люди, которые сумели вовремя адаптироваться и проинвестировать в будущее, - победители. Те, кто не успел, очень сильно будут проигрывать».* (МК, 2016, 20 января). Или в материале “Брекзит: день независимости или крах западной цивилизации?”: *“Призрак бродит по Европе, призрак брекзита. Как предостерег соотечественников премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон, выход Соединенного Королевства из ЕС – или так*

называемый брекзит – может повлечь за собой возвращение на континент масштабных военных конфликтов...” (Независимая газета, 2016, 20 июня)

Характеристика непонятных слов, сознательно выносимых в заголовки, может быть осуществлена с помощью вывода: однозначные термины входят в язык как этикетки, почти как собственные имена, как клички. Textoобразующая роль таких слов при вынесении их в заголовок особенно очевидна, что в большинстве случаев подтверждено содержащимися в текстах собственно лингвистическими определениями.

В разряд слов-этикеток попадают не только иноязычные термины (*дауншифтер, бэбибох, брэкзит*), но и русскоязычные неологизмы (*титушки, дорожная карта*), в том числе аббревиатуры (*ОБСЕ, ОЭСР, АТО*). Текст может быть понятен, если содержит до полутора процентов незнакомой лексики, иначе говоря, если на шесть слов не приходится больше, чем одно новое слово. Благодаря существенному влиянию на понимание общего смысла текста в целом, эта лексика приобретает особый статус опорной (ключевые слова), требуя к себе особого отношения при скрупулезном учете таких условий успешной коммуникации, как возрастная, социальная, профессиональная, территориальная принадлежность общающихся.

Основополагающие черты, которыми отмечена важнейшая структурно-семантическая единица языка: способность выступать как “обобщенное отражение обозначаемого объекта, как имена вещей, как символ семантического ядра” [3, Ахманова, с.70], - становятся особенно выразительными при характеристике слов-”ключей”, предвосхищая вывод: “хотя люди говорят фразами, они помнят язык прежде всего через слово, ибо слово служит средством закрепления в памяти и передачи в речи знаний и опыта людей” [4, Гак, с.303].

Существенная с точки зрения констатация синтаксической весомости слова его способность выступать в качестве минимума предложения предполагает ориентацию именно на предложение как полноценную промежуточную единицу на пути к тексту. Необходимость толкования непонятого слова в интересах коммуникации (“Если имя непонятно для слушающего, оно пусто, такого предмета

нет” [5, Жинкин, с.38] возрастает по мере увеличения объема его значения. Многообразные способы семантизации могут быть представлены в виде предложения-идентификации, в котором субъект квалифицируется через его отношение с другими лицами, предметами, явлениями. Согласно традиционной характеристике это будут двусоставные предложения с именным сказуемым, представляющие одну из минимальных двукомпонентных структурных схем, предложения номинативного блока.

Специфика включаемого в текст слова, которое по тем или иным причинам требует толкования, предопределяет структуру метаединиц и в большей или меньшей степени влияет на структуру текста.

Нельзя, очевидно, считать случайным, что в роли объясняемых слов чаще всего выступают имена существительные, являющиеся “не только вещественно-логическим стержнем всех классов слов-названий, но и опорой большей части синтаксических конструкций” [6, Виноградов с.177]. Важным представляется признание того, что в европейских языках система существительных настолько развита, имеются неограниченные возможности образовывать отглагольные существительные и отвлеченные существительные, образованные от основ прилагательных, что основной состав терминологического списка для этих языков вполне может быть исчерпан существительными. Исходя из того, что существительные в анализируемых конструкциях выступают в роли подлежащего и субстантивного сказуемого, а в некоторых случаях прямого и косвенного дополнения, есть необходимость в анализе именно этих компонентов предложения с точки зрения их близости к информативному центру высказывания, следовательно – к факторам, способствующим решению конкретных коммуникативных задач.

Приоритет существительных над остальными частями речи можно считать иллюзорным, поскольку он отражает, по-видимому, лишь специфику метаконструкций, для которых самоценен высокий ранг подлежащего и соотносимой с ним на основах синонимии части именного сказуемого, выражаемых преимущественно именами существительными. “Удельный вес” этой части речи в

метаструктурах настолько велик, что именно он в значительной мере обеспечивает единую тематическую базу текста, поэтому забота о семантизации указанных единиц служит предпосылкой коммуникативной полноценности текста в целом, однозначности его восприятия.

Литература

Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии // М.: Учпедгиз. – 1957. – С.70.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVIII – XIX веков // М.: Высшая школа. – 1982. — С.177.

Гак В.Г. Слово... // М.: РЯЭ. – 1979. – С.303.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации //М.: Наука. – 1982. – С. 38.

Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка // М.: Наука. – 1984. – С. 67.

Сепир Э. Язык //М.: Соцзгиз. – 1934. – С.75.

Источники иллюстративного материала

1. Литературная газета, 1980, 15 апреля.

Московский комсомолец, 2016, 20 января.

Независимая газета, 2016, 20 июня.

июнь 2016